

Но «речь», которою кончается ода 1761 г., заслуживает того, чтобы на ней особо остановиться. По контексту надо понимать так, что она принадлежит «Всесильному миру», который «себя являет» как раз перед моментом ее произнесения. К сожалению, ее содержание не вполне ясно. Повидимому, поэт хочет сказать от имени «Всесильного мира», что он «жив», «пребудет вечно... богом» «подсолнечной», — т. е. «вечно» будет царить в ней и при этом будет так же для нее «щедр», как Елизавета для своих русских подданных; во всем этом поэт от его имени свидетельствуется Елизаветой — очевидно, ее приведшими к явлению «Всесильного мира» победами. При таком понимании «речи» неясно, что значат слова «обладает Петр». Повидимому, мы имеем здесь очень двусмысленную ссылку на Петра I: он-де царствует («обладает») в лице своего внука, Петра, в склонности которого к заключению мира не могло быть ни у кого сомнений. Так, думается, поэт, предчувствуя недалекую смерть императрицы, уже имел в виду ее наследника и преемника и играл одинаковостью имени его и отца Елизаветы, — в частности, в сложной проблеме «войны и мира».

Естественно возникает вопрос, что же в оде Петру III является действительно соответствующим подлинной настроенности поэта?

Чтобы ближе подойти к решению этого вопроса, присмотримся к самой постановке поэтом вопроса об участии России в Семилетней войне.

В этом смысле очень интересна обширная речь Елизаветы в оде 1757 г., произнесенная ею как бы в экстазе — «в брани воспаленной вещал ее на небо дух» — и формально адресованная Богу, фактически же «концам вселенной» и более всего, конечно, ее собственной стране. Ее цель как раз — объяснение и, более того, оправдание непонятной не только широким массам, а и дворянским кругам, войны (строфа 6—8):

«Шестнатцать лет нося порфиру
Европу Я склоняла к миру
Союзами и страхом сил.

Как славны дал Ты нам победы,
Всего превыше было Мне,
Чтоб род Российской и соседы
В глубокой были тишине.
О безмятежной жизни света